

МИТРОПОЛИТ НИКИФОР: ПУТЬ ИЗ ВИЗАНТИИ В КИЕВСКУЮ РУСЬ

В XI-XII вв. Киевская Русь становится культурным центром славянского мира. Значимую роль в этом процессе играют тесные контакты с Византией: русские книжники переводят сочинения византийских авторов, на Русь приглашаются византийские иконописцы и архитекторы, в Константинополь едут учиться и не только сыновья князей, но и сыновья бояр и знатных людей. Процесс этот был многопланов, особую роль в нем играли митрополиты-греки, которые, приезжая на Русь, активно пропагандировали традиции византийской культуры. Примером тому может служить деятельность митрополита Никифора.

Митрополит Никифор прожил на Руси 17 лет (1104-1121). Биографических данных о нем сохранилось мало, но известно, что он происходил из Суры Ликийской (Малая Азия). Образование, по всей видимости, получил в Константинополе. Приехав на Русь, Никифор сразу же принял активное участие в религиозной, политической жизни страны. Он сыграл значительную роль в прославлении русских святых, что в те времена поднимало самосознание русских на новую высоту. Например, в 1108 г. он выступает инициатором почитания Феодосия Печерского. 2 мая 1115 г. Никифор возглавил русский епископат на торжественном прославлении князей-мучеников Бориса и Глеба. Это событие было весьма значимо для русского государства – как показатель культурной и религиозной самостоятельности. Никифор способствовал вступлению на престол Владимира Мономаха, роль которого в истории Руси трудно переоценить. Киевского митрополита Никифора и Владимира Мономаха связывали, судя по их переписке, доверительные отношения, оба оказывали заметное влияние на мировоззрение друг друга.

В целом можно отметить, что митрополит Никифор, прибыв в Киев, «окунулся» в русскую реальность. Он не был настроен отстраненно или «свысока» к исканиям отечественных книжников, более того – Никифор принял активное участие в развитии философского процесса в средневековой Руси. Необходимо отметить и то, что митрополит Никифор приезжает на Русь в то время, когда страна переживает духовный подъем, отразившийся во всех аспектах духовной жизни: создаются вторая и третья редакции «Повести временных лет», редакции «Жития Феодосия Печерского» и «Сказания о Борисе и Глебе», «Хождение игумена Даниила», «Поучение» Владимира Мономаха.

Митрополит Никифор – человек византийской образованности, писавший и на Руси по-гречески. Период ученичества Никифора совпал с культурным ренессансом в Византии эпохи Комнинов, что не могло не отразиться на его творчестве. И таким образом, приехав на Русь, «...в культурной среде того времени Никифор выступал фигурой, обеспечивающей посредничество не только в административном, но и в интеллектуальном взаимодействии Руси и Византии» (Полянский С. М.

Ольга Борисовна Ионайтис, доктор философских наук, доцент кафедры истории философии Уральского государственного университета, профессор Академии искусств и художественных ремесел имени Демидовых, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, член Союза художников России, член международной ассоциации изобразительных искусств – АИАП ЮНЕСКО.

Богословско-философские взгляды митрополита Никифора // Древняя Русь. 2001. № 2 (4). С. 98). Наследие митрополита Никифора: два адресованных Владимиру Мономаху Послания («Послание о посте и о воздержании чувств» (около 1113 г., далее – «Послание о посте»), «Послание от Никифора митрополита Киевского к Владимиру князю всея Руси... о разделении церквей на восточную и западную» (около 1117 г., далее – «Послание на латин»)), одно Послание волынскому и муромскому князю Ярославу Святославичу («Написание на латыню к Ярославу о ересях»), одно Послание – неизвестному по имени князю и «Поучение митрополита русского Никифора в неделю сыропустную в церкви, ко игуменам, и ко всему иерейскому и диаконскому чину, и к мирским людям» (далее – «Поучение на неделю сыропустную»). Сочинения митрополита Никифора, как мы видим из названий, написаны в жанре церковного послания. В раннем христианстве послания были распространенной формой общения епископов друг с другом и со своей паствой. Данная тенденция получила развитие в Византии и была достаточно популярна. Киевская Русь переняла эту традицию.

Сочинения митрополита Никифора становились известными на Руси, активно обсуждались. Например, «Поучения на неделю сыропустную» Никифора было оглашено не только в киевском кафедральном Софийском соборе, но и заранее было разослано для обсуждения по приходам, следова-

тельно — знакомы с ним были многие. Подобная практика постепенно распространилась. «Послание о посте» отличается большей философичностью — вопрос о посте является лишь поводом для глубоких философских рассуждений на онтологические, гносеологические, философско-правовые темы, которые связаны с вопросом о посте в символическо-аллегорическом плане.

В «Послании о посте» митрополитом Никифором дается характеристика природы духовного и материального начал бытия, при этом сфера плотского определяется довольно высоким онтологическим статусом. Например, утверждается, что состояние тела, дисциплинируемое постом, определяет душевные качества личности. В целом, в учении Никифора мы наблюдаем стремление к установлению гармонии сфер бытия через взаимовлияние плотского и духовного компонентов. Никифор указывает, что жизнь человека двойственна: разумная и неразумная, бесплотная и телесная. Далее он разъясняет, что разумное и бесплотное есть нечто божественное и чудесное, и касается бесплотного естества, а неразумное исполнено плотских, чувственных страстей и относится к сластолюбивому естеству: «...двойственна наша жизнь: разумная и неразумная, бесплотная и телесная. Разумное и бесплотное ведь есть нечто божественное и чудесное и касается бесплотного естества, а неразумное — исполненного [плотских] страстей (чувственного) и сластолюбивого [естества]» (Никифор. Послание о посте // Послания митрополита Никифора. М., 2000. С. 75). Из-за этой двойственности в человеке идет постоянная борьба — плоть и дух противятся друг другу. И только пост укрощает эту борьбу, так как пост есть «лекарство для душевного здоровья», он дает духу власть над плотью, обуздывая ее. Так покоряется низшее высшему — тело душе, и душа получает покой.

Митрополит Никифор указывает Владимиру Мономаху на источники, которые «наполняют благое и проистекают в людей». Они наполняют лишь тех, кто творит благо. Те же, кто поступают плохо, вступают на путь злобы. Как следствие — указание: «Внимай себе, внимай слову своему и делу своему». Человеку, по мнению Никифора, следует быть внимательным, чтобы не спутать где — зло, а где — добро. Для того же, чтобы понять, откуда происходит добро и зло, Никифор предлагает обратиться к рассмотрению сути души человеческой.

Вслед за неоплатонической философией, митрополит Никифор выявляет три части души, или силы: разум («словесное»), чувство («яростное») и воля («желанное»). И вновь Никифор указывает, что ни высшая часть — разум, ни низшая — чувство, не являются субстанциональными антагонистами. Оба начала присутствуют в человеке «смешно», проявляясь в различных сочетаниях.

Митрополит Никифор указывал, что разум старше и значительнее всех, он отличает человека от всего остального, сотворенного Создателем, и дает возможность человеку осуществлять свое предназначение — стремиться к Богу: «...им мы отличаемся от всех животных, с его помощью мы познаем небо и все остальное созданное и восходим к пониманию Бога...» (Там же. С. 77). Такова сила разума — заключает Никифор, но лишь в том случае, если познающий придерживается правды и ищет истину. Вместе с тем, разумом необходимо уметь управлять: он может приблизить человека к Создателю, а мо-

жет сбросить в адскую пропасть (как произошло с дьяволом и язычниками, которые были разумны, но не по правде восприняли разумное и пали). Двойственность разума объясняется действием чувственных сил души, также двойственных, способных к добру и злу. Поэтому-то чувства дают неодинаковую информацию, «недостоверные припоминания». Все чувства (слух, зрение, осязание, обоняние, вкус) в одном — достоверны, в другом — нет, «грешны». Наиболее точно лишь зрение.

Для очищения от подобной двойственности и необходима воля. Она помогает разуму освободиться от лишних «припоминаний» и сосредоточиться на благих «помышлениях» (прежде всего — о Творце и своем предназначении). О воле митрополит Никифор пишет так: «...воля («желанное») — [заключается в том], что тот имеет добродетель, кто всегда думает о Боге (имеет желание к Богу) и забывает об ином, и заботится о таком просвещении, от которого бывает (исходит) сияние Божие и разрывается вретисще, по пророку Давиду, сказавшему: «Ты обратил плачь мой в радость, снял вретисще мое и препоясал меня веселием». Веселие же это рождается от тяжелого страдания (в тяжелых страданиях) за Бога. От веселия же этого расцветет семья жизни, от него чудеса творятся, от него предсказания будущего [бывают], от него человек к Богу по силе приближается, и бывает по образу и по подобию Божию, и, находясь на земле, [являет] образ создавшего его Бога» (Там же. С. 78). В результате правильного воспитания человека и направления воли к Богу, как считает митрополит Никифор, в душе человека наступает радость от познания и понимания мира, себя самого, от улучшения помыслов своих и очищения души (ее «выпрямления»). Обращаясь к Владимиру Мономаху, Никифор пишет: «...помяная Бога, будешь блаженным, сохраняя правосудие и творя справедливость во всякое время. И если будешь так поступать, то создашь дом душевного спасения и потрудишься не напрасно... И таким образом сохранишь град, которым является твоя душа... И изгонишь из нее злых советников, то есть злые помыслы» (Там же. С. 81). Да и пост, требующий усилий воли, Никифор трактует как регуляцию человеческой духовности путем дисциплинирования плоти.

Для гносеологических воззрений Никифора характерно утверждение о том, что разум («князь»), являющийся высшим качеством души, получает данные об окружающей действительности от чувств («слуг»). Подобное образно-символическое уподобление восходит к платонической традиции, но митрополит Никифор его конкретизировал, соотнеся с русскими социальными реалиями (князь, слуги). Но так же следует подчеркнуть, что Никифор рассматривает в целом человека по принципу иерархии, столь характерному для неоплатонических размышлений: «Узнай же и слуг ее (души. — О. И.), воевод и наставников, которые ей служат, поскольку она бесплотна, и от которых она получает сообщения. Эта душа сидит в голове, имея в себе ум, как светлое око, наполняя все тело силою своей. Как ты князь (Владимир Мономах. — О. И.), сидя здесь, в своей стране, действуешь по всей земле. Так же и душа по всему телу действует пятью слугами своими, то есть пятью чувствами: с помощью двух глаз, слуха, обоняния, то есть через ноздри, вкусом и осязание, то есть руками» (Там же. С. 78). Материальный мир познается через чувства, идеальная же сфера

познается «разумным оком». Так же митрополит Никифор указывает, что, познавая мир, человек познает Бога. Таким образом, он придерживается принципа — «по творению познай Творца». Но, что бы не познавал человек, он всегда познает Бога и только это делает познание истинным.

Часть «Послания о посте» митрополита Никифора посвящена рассмотрению социальных и историософских вопросов, в которых наиболее отражается его связь с русской действительностью. В «Послании о посте» создается образ идеального общества, уподобляемого антропоморфной модели: тело — государство, которое подчинено властной царствующей душе. Управляет государством («телом») князь («ум») через слуг, специализация которых отождествляется с органами чувств (глазами, ушами и т. д.). Из подобного заключения мы так же можем установить, что митрополит Никифор являлся представителем традиции неоплатонизма, для которого подобная логика типична. Принцип четкой иерархии во главе с правителем значителен для построения общественного идеала Никифора и он детально его прописывает. Государство предстает как механизм с четко функционирующими системами на основе гармонии плотского и духовного начал. А отсюда, пост исправляет и направляет не только отдельные души людей, но и деятельность князя. И митрополит Никифор переходит от теоретических рассуждений к оценке реальных событий, связанных с правлением Владимира Мономаха.

В оценке исторического происходящего митрополит Никифор демонстрирует определенный фатализм: описывая нравственное величие Владимира Мономаха, автор указывает, что оно есть следствие божественной предопределенности. В своем обращении к Владимиру Мономаху он пишет: «...к тебе... доблестная глава наша и [глава] всей христороубивой земли, [обращено] слово это, [к тебе] которого Бог издалека предопределил и поставил, которого из утробы освятил и помазал, смешав царскую и княжескую кровь, которого благочестие воспитало, и пост вскормил, и святая Христова купель с младых ногтей очистила...» (Там же. С. 76).

Важное место в «Посланиях» занимает вопрос о правителе. Он утверждает, что власть светская от Бога дана, соотносит царство земное с царством небесным. Никифор утверждает, что пример иерархии небесного царства должен стать образцом для иерархии царства земного. В обоих случаях власть должна быть незыблемой. В «Посланиях» митрополита Никифора отражается популярное в Византии и на Руси, начиная со «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, учение о симфонии светской и религиозной власти: «Подобает князьям, как избранным Богом и призванным Им на правую веру Его, хорошо понимать слова Христовы и твердую церковную основу. Дано тебе (князь. — *О. И.*) основание, которым является святая Церковь, для просвещения и в качестве наставления вверенным тебе на попечение людям от Бога. Един ведь Бог царствует над небесными [силами]. Вам же [князьям] дано с Его помощью царствовать над земными, над нижним (дольным) этим из рода в род» (*Никифор. Послание против латин // Послания митрополита Никифора. С. 107*). Нужно отметить, что позицию митрополита Никифора, по сравнению с митрополитом Иларионом Киевским и предшествующей традицией, отличает

то, что правоверие князя четко определяется как православие. В данном случае сказалась Схизма 1054 г., и как результат — антилатинская направленность сочинений Никифора.

Никифор, вслед за митрополитом Иларионом, включает в рассуждения о князе родовую тематику. Митрополит Никифор отходит от византийского идеала правителя, строго регламентировавшего свое поведение в духе официального церемониала, проводящего четкую грань между собой и подданными. Для Никифора, как и для русских летописцев (образы Святослава и Мстислава Владимировича), идеал князя — полководец-спартанец. Никифор обозначает широкую церковно-религиозную компетенцию князя, и в первую очередь — князь должен соблюдать и хранить чистоту веры. По сравнению с указанием о «заботе о подданных» патриарха Фотия в послании к болгарскому князю Борису, в котором тот имел в виду лишь крещение подданных, а все остальное относил к деятельности церкви, митрополит Никифор указывает на необходимость для князя охраны государства от иноверцев. Никифор подчеркивает и судебно-правовые обязанности правителя: он должен сам принимать участие в судопроизводстве. Это может объясняться и слабым развитием бюрократии в начале XII в. на Руси.

Митрополит Никифор постоянно подчеркивает, что есть власть выше княжеской — это власть Бога, неизмеримо более справедливая, сильная, милостивая. Поэтому, обращаясь к князю, Никифор использует как образец библейского царя Давида. Да и в целом, для любого человека — главный судья есть Бог, так как «...человек ведь [исследует] видимое (на вид), Бог же смотрит в сердце» (*Никифор. Послание о посте. С. 81*), но ничто так не рассказывает о человеке как его сердце.

Рассматривая отношения князя и подданных, митрополит Никифор употребляет такие понятия как «благость», «человеколюбие», щедрость, «милости и отпущения»: «...как светильник в мире [будешь ты (князь. — *О. И.*)], обладая словом жизни и [имея] делами своими благую веру, правду, и суд праведный (нелицемерный), и милость, и прощение, и постоянное обращение к Царю царствующих...» (Там же) или «Подумай... князь мой, поразмысли о тех, кто был изгнан тобой, об осужденных тобой на наказание, об отвергнутых. Вспомни о тех, кто кого оговорил и кто кого оклеветал. И сам как судья рассуди их и, будучи наставляем от Бога, помани всех, и так сделай, и отпусти...» (Там же. С. 80). Митрополит Никифор пишет о том, что власть в грехе проявляет себя как грубая, подавляющая сила, яростная мощь, сдержать которую может лишь вера.

Показателем истинной власти является то, что государство функционирует как отлаженный механизм. Помощниками правителя в таком государстве являются духовные наставники и Слово Божие. Митрополит Никифор так объясняет значение своего «Послания о посте»: «...[это] для твоей (князь. — *О. И.*) правой веры... написал я для тебя как напоминание, ибо великие властители часто нуждаются в большом наставлении, ведь они многим пользуются, и многие изъязыны имеют. И поэтому мы дерзнули [написать это]... Понимаем же, что мы и сами, как грешники в стружьях, истекающие гноем, начинаем исцелять других. Но во всем этом не один только вред. Пусть даже и мы

таковы, но слово Божие, которое в нас, здраво и непорочно. Оно учит, и подobaет тем, кто учится от него, проверять его и принимать от него исцеление и не требовать иного» (Там же. С. 81). Подобные заявления соответствуют общему духу понимания мудрости, отношений философа и правителя в средневековой Руси.

Митрополит Никифор обогатил отечественную культуру византийскими и античными традициями по пути рационализации и философизации мышления, открытия широкого информационного поля при обосновании доктринальных положений. В сочинениях митрополита Никифора много ссылок на реальные события русской истории, свидетелем и современником которых он лично был. Из того мы можем заключить, что тексты для читателей пред-

ставляли актуальный интерес. И вполне верно то, что «...творчество Никифора наглядно демонстрирует, как происходило вращение греческой культуры в отечественную, как пришлый грек-интеллектуал выступил в роли оригинального русского мыслителя» (Макаров А. И., Мильков В. В., Полянский С. М. Древнерусская мысль в ее историческом развитии до Никифора // Послания митрополита Никифора. С. 54). Более того — думается, что с полной уверенностью можно утверждать, что митрополит Никифор интересен для историка отечественной философии не только как пример отечественной мудрости, но и как представитель «общечеловеческой» культурной традиции в русской философии, традиции «из Византии в Киевскую Русь».

ЧЕЛОВЕК — «МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК» ИЛИ «ПУСТОЙ БАМБУК»? (БЛЕЗ ПАСКАЛЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ)

А.С. Гагарин

Анатолий
Станиславович
Гагарин,
доктор
философских
наук

Что есть человек в мире бытия? Кто он, и что есть мир? Где его место — и есть ли оно вообще? Вопросы вечные, а ответы, которые предложил Блез Паскаль, удивительно современны, даже во времена господства постмодернизма. Впрочем, сейчас, похоже, и его времена прошли... Судите сами.

Блез Паскаль воспринимает бытие человека (и собственное бытие) как затерянность «в глухом углу, в чулане Вселенной» — в зримом мире, как балансирование на грани двух бездн — бездны бесконечности и бездны небытия. Сам человек по сравнению с бесконечностью, по мнению Паскаля, является «средним между всем и ничем». Человечество ограничено во всем, и человеку не выйти за собственные пределы, но до тех пор, пока он не обратится к изучению самого себя, человек не поймет этого. Собственные пределы человека — это пределы части целого, границы данной нам в удел середины, которая одинаково удалена от обеих крайностей — от бесконечности в большом и бесконечности в малом.

«Уразумение» небытия, как и «уразумение» всего

сущего» требует беспредельности разума, возможной только у Бога, в котором эти крайности только и могут соприкоснуться и слиться. В человеке же сочетаются неоднородные и противоположные субстанции — душа и тело, человек в состоянии познать до конца только однородные явления — телесные или духовные. Поэтому удел человека, не способного ни к всеобъемлющему познанию, ни к полному неведению — плыть «по безбрежности», метание из стороны в сторону, поиски опоры, попытки построить башню, уходящую вершиной в бесконечность, а основанием стоящую на земле, разверзающейся в бездну...

Человек тщетно пытается заполнить пустоту, бездонную пропасть суетным и преходящим, найти опору в непрочном и конечном, тогда как, по мнению Паскаля, эту бездонную пропасть способен заполнить лишь предмет бесконечный и неизменный — сам Бог, истинное благо.¹ Одним из ключей в поиске выхода из мировоззренческого тупика оказывается предложенное Паскалем понимание человечества как тела (целого), состоящего из «мыслящих членов». «...Человек любит себя, поскольку он — член Иисуса Христа; человек любит Иисуса Христа, поскольку Он — тело, в котором человек — член. Все — единое. Один в другом, как три лица Троицы».²

В отличие от своих современников, мыслителей Нового Времени, стремившихся к рационализации и натурализации всего человека — вместе с моральной, этической, экзистенциальной сферами его бытия, Блез Паскаль исходил из христианского постулата о двойственности человека, его «величии» и «ничтожестве». Человек — это «сгусток противоречий», междуусобица разума и страстей, и потому одновременно и «химера», «диковинное чудовище», «хаос» — и «чудо» Вселенной, выше которого только Бог.

Признаки «величия», согласно Паскалю, таковы: